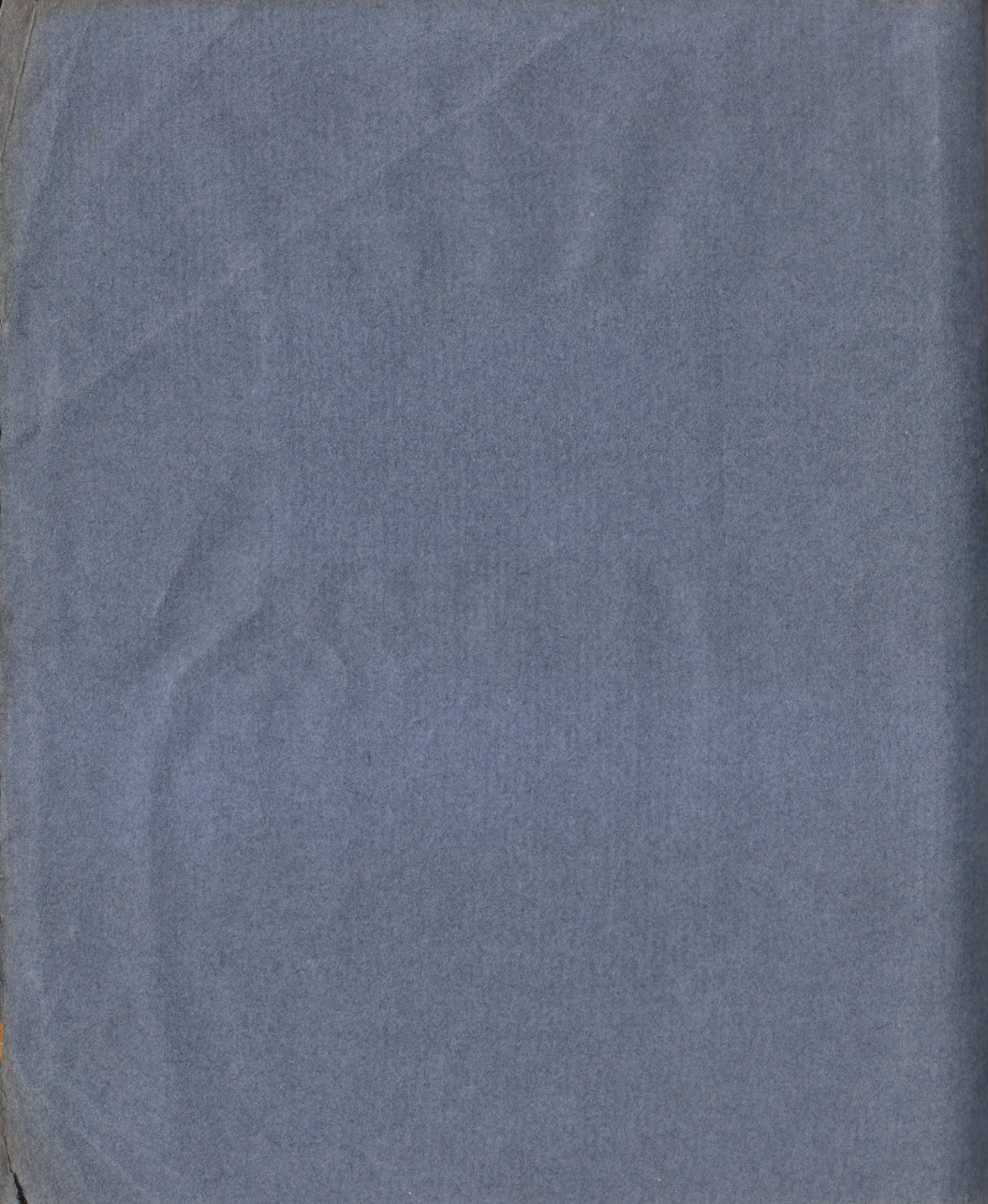


ВЕРА ЗВЯГИНЦЕВА

МОСКОВСКИЙ ВЕТЕР

СТИХИ



ВЕРА ЗВЯГИНЦЕВА

МОСКОВСКИЙ ВЕТЕР



МОСКВА

Отпечатано в тип. им. Ивана
Федорова Ленинград, Звени-
городская 11, в марте 1926 г.,
в количестве 700 экземпляров
Главлит № 52327
Марка работы В. Фаворского

ВСТУПЛЕНИЕ

Не веселье ладить убор словесный,
Слово не жемчуг, жизнь не ларец.
Выдыхаю душу не пышной песней,
Но унывной правдой—как поэт слепец.

Широты земной не уложишь ложью,
Не наняжешь на нитку: голод, любовь,
Лишь на жаркий крик повернет прохожий,
Да еще на флейту обернется вновь.

Эта горстка дней не затем нам в руку,
Чтобы слово на слово, чтобы день на день,
Широко на радость, шире на муку
Раскрываю слепые глаза — глядеть.

И как вздох мне жизнь, и как выдых песня,
Не с лирой муза — с любовью грудь.
С каждым днем все проще, с каждым днем
чудесней
Широкий трудный человеку путь,

ПУШКИНУ

И была Никитская моложе,
Хоть глупее чванностью пустой.
Проходил, на всех людей похожий,
Щурился на купол золотой.

Ах, старик с пазойливой старушкой!
Был бы рыбка мой заказ не хитр:
Я хочу живого Пушкина
Увидать читающим стихи!

Оттого, что колкие метели
Замели тогда шинельный след.
Девяносто лет поэты пели
Громче, громче, за тебя, поэт!

Спорили Мопарты и Сальери
И сошлись на имени твоём,
На твоей веселой, вольной вере
В трудное земное бытие.

Поклянусь, что к боли равнодушной
И бесстрашной к смерти я живу
Оттого, что был в России Пушкин
И ходил пешком через Москву.

ПОЕЗДНАЯ

(первая)

Не в садах, — на поездной площадке
Только и дышать!
Чтобы под ногами было шатко —
Требует душа.

Чтоб смешили, пели, поминали
Станций имена.
Каждый вечер на чужом вокзале
И одна.

Все равно! Как путь, широк и беден
Час и человек.
Все равно разлюбим и уедем —
— Это уж навек!

Залетай в глаза углем и сажей
Ветер, друг!
Тот вон незабудковый овражек
Кинь мне в грудь!

Не испить мне жадностью проклятой
Жизни сок.
А уж вяжет, вяжет сердце мятный
Холодок.

1919 ГОД

А. Ерофееву.

У каменных быков кипела черной
И ледяной, как никогда, вода.
Тогда мы жили на ветру, тогда
Дыханье было резким и просторным.

Пар. Гололедица. А души на чеку.
Да, сирые, да, волчьи, без наряда.
Раскрытая младенческая радость
И благодарность слову и куску.

Мы слушали, глотая дым и ветер:
Шумит судьба и в венах кровь шумит.
Любовь была соседкой мирной смерти:
Меж делом забежит — не время — прочь спешит.

А на посту у сердца оставалась
Простая человеческая дрожь,
Которую и смертью не уймешь —
— Горючая заботливая жалость.

Сырая жизнь. Суровые часы.
И каждый день, как при смерти, любимый.
Благословен год холода и дыма,
Души и плоти верные весы.

А. С. НЕВЕРОВУ

Так, значит, вправду на земле нельзя
Так слушать жизнь. И решено от века,
Что слепнут слишком зрячие глаза
И рвется сердце слишком человека.

В застылости бумажных вечеров
Твой голос был гармоникой в окошко,
Нескладным ладом разливных ладов,
Как там у нас, на стороне заволжской.

Ох, Радушка! Ох, родина - тоска!
Ребячий смех... метельное гулянье...
Кренчилась ли в твоём мозгу Москва
Серебряная, в смертном расставании?

И вот ничто. Ваганьково. Мороз.
И неба пустота закованела.
И не узнаем мы, во что унес
Ты живости не ведавшее тело.

КАРУСЕЛЬ

Как болит, то-ли болит
Болит сердце, поет...

А. Григорьев

Тинь... В сусальном серебре
Тронулось дрожанье,
Не бывает при игре,
Чтоб так сердце жалить.

В лад земле и скрипке в лад
Отбываешь — рад не рад.
Плавают лошадка,
Горлу тошно — сладко.

Карусель, сусаль, тоска
Надо всем прокатит!
Две минуты иль века —
— Все равно не хватит!

Отпустили духу нам
Больше, чем дыханья,
Вот и делим пополам
В длинном целованьи.

Не хочу сухих чернил,
Мне размыв шарманный миг,
По садам, по свету
Треск вишневых веток!

За прокат берут пятак,
А за сердце — душу...
А из теплых плеч костяк
Смерть себе иссушит...

Ну, звени же, ну, катая,
Круглая, большая!
И земля бы круглый рай,
Да душа мешает.

РЫНОК

Да, и такой, моя Россия...

А. Блок

День прогорает бумаги легче,
А растяжная гармонь поет,
Хроменьким вальсом обиды лечит,
Слякоть и ругань, обман и счет...

С холоду пляшет сизый мальчонка.
Что тут в лорнет разглядит поэт?
Курево, кровь у мясных лавчонок,
Из сумасшедших глаз марафет...

Тут же, где яблоки пахнут праздником,
Чучелом машется вверх и вниз
В Виттовой пляске мужик безобразный...
Остановись же, остановись!

То, где польню дымились степи,
Сладостно было Россией звать,
Ну, а на этой рваной Зацепе
Имя какое тебе сыскать!?

Тянет гармонь о манчжурских сопках,
Небо — одна большая слеза.
День прогорает — бумаги стопка.
Завтра из пепла опять назад?

Знаю величие туч над вечерним откосом.
Только в России бывает такая любовь:
Грудь захватило, знобит и вбираются росы
В каждую пору, и вот—стылой становится кровь.

Нам не до страсти, увы, мы страхом, мы горечью
любим,
Нам по туманам ходить, где там.. не скоро
тепло..
Слушай, послушай, — пастьх тоненько к вечеру
трубит,
Слушай, послушай, — ведь мне столько нюлей
прошло...

Поезд проходит далеко по рельсам и росам..
Скоро обрушится боль. Сердце сожми и готовь.
Знаю величие туч над вечерним откосом..
Только в России бывает такая любовь.

Над розовой хрупью гречихи
Стоишь, застоишься... А гуд
Пчелиный, шмелиный не тихнет..
И так еще в мире живут..
И так вот — протяжно и просто,
Под ветер, под солнце и дождь
Равняют дыхание и поступь,
И святы не розы, но рожь.

Но вечер: по парку, по сыри,
Туда, где над прудом мостки,
Таскаю тяжелые гири
Своей неуместной тоски.
И сосны, высокие сестры
Саратовских сосен моих,
Сшивают иголкой острой
Мой трепанный жалобный стих.

Краев саратовских, широко хлебных
Росистая, душистая земля.
У подорожников тугие стебли
Качаются, пушинки шевеля.

Проходит туча ласково и низко...
К лицу России серые деньки.
Рожь мне по сердцу. Ох, как сердцу близки
Колосья, колени и легкие цветки.

О, тишина! О, жизнь моя слепая!
Вся на юру. Без дома, без детей.
Дуй ветер, с подорожников сшибая,
С меня сшибая пышноту страстей.

Так, с непокрытой головой и болью
Стою, люблю раскинутую даль.
Моя Россия... мне тебя довольно,
И только ты залечишь мне печаль.

ПОЕЗДНАЯ

(ВТОРАЯ)

Насыпи, просеки, сосны и волосы
Путаются в глазах.
Крутым и шершавым колесным голосом
Тянет меня назад,

К просекам, сосенкам, детству, девичеству,
В Сызрано-Вяземский путь!
Нет ни в московском краю, ни в таврическом
Этих мне нежных пут.

Там, в палисадниках тоненькой, тоненькой
Повилики нагретый дух,
Всхлипнув матаней, влетит гармоника
В поезд, на всем ходу...

Говор на «о» и татарской смурости
Тайная хитротца.
Будни — другим, ну, а мне от юности
Песенка без певца.

Поезд, лети, позабудь, что дачный,
Спутай пути в конец,
Остановись, как во сне, наудачу
На станции моей — Кузнецк!

НА КАМЕ

Эта яблочная свежесть утра,
Чемодана веселящий груз...
Как не быть хоть двое суток мудрой,
Под гору скативши комом грусть!

О, веселый холод путешествий,
Праздничные будни пристаней...
И повсюду труд и песня вместе,
Малых ржинок в колосе тесней.

Так умна оливковая Кама,
Так умерен, прост и желт закат, —
Я стыжусь своей души упрямой,
Где занозой заросла тоска.

Этот ветер... Окунаюсь в ветер...
Смолы пахнут. У кормы кипит...
Потихоньку не могу не петь я: —
— «И звезда с звездой говорит»...

РОССИИ.

**Не подниму ни голоса, ни глаз.
Про это петь не смею...
Бывает: в слишком ранний утра час
От холода и радости слабеешь...
Такая по душе проходит дрожь
Всей сыростью твоих оврагов сразу.
И все слова к тебе дурны, как ложь.
Не по любви моей мой разум.**

РЫЛЕЕВУ

„Прощай, поэт“.

Из писем Пушкина
к Рылееву

Прощай, поэт! Снегов то навалило
За сотню декабрей... Не разглядишь теперь,
Что влажный лоб твой слава осенила.
Ох, мало славы за такую смерть!

Безочарованный, меж братьев одинокий,
Великой тошнотой от юности томим,
Туманной вольности — о, как тогда далекой —
Объятый лихорадкой пилигрим.

Всей нашей благодарности не мало-ль,
Всей памяти, бумажных всех речей,
За миг, когда оно сорвалось —
Живое тело с петли палачей?!

За судоргу больной натертой шеи,
За желтый и кривой в глаза мелькнувший свет
Прости свободу русскую, Рылеев!
Через снега и век — прощай поэт!

Декабрь 1925

ТАКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Через открытую форточку, по переулкам и
крышам,
В воздухе ранней весны каплей, крупинкой к тебе!
Это ночная забота, дневной и прозрачной и выше,
Это дрожащая просьба, о счастья твоём, судьбе.
Лают собаки, как в детстве. Качают, качают
минуты...
Теплым неслышимым телом, спи, мое солнышко,
спи...
Туго стучит мое сердце и кровь моя катится
круто,
Я не услышу отсюда, если попросишь ты путь.
Каждый мой сон — полустанок и путь без вещей,
без билета, —
Это, наверно, про то, как любовь меня мчит наяву.
В форточку лай и морозец и резкая близость
рассвета...
Как это страшно, как дивно, — вот это: вот то,
что живу!

Есть вечера, утра и дни,
Нет мига выдохнуть томленье.
Сожми виски, глаза сомкни,
Учись последнему смиренью
И первой правде на земле:
Знать, что никто, никто не брат нам,
И чуть согреемся в тепле, —
Пора нам на мороз обратно.
Но выкинь камень из пращи,
И вырони стрелу из лука,
В потемках тихо отыщи
Хотя бы Каинову руку.
Так, не по книжному, а въявь,
Не око за око — прощенье.
И не ланиту — жизнь подставь
Под бич невольного глумленья.

Маскарад на призрачной Тверской,
Кларнетист исходит тошным вальсом...
Долго-ль еще быть тебе такой,
Улицей, землею иль Москвой?
Как там хочешь называйся?!

Неужели это так и есть?
(А признаться — все равно, что в воду!)
Никакая огненная вестъ
Эту пыль с тебя не сможет сместъ.
Эту человеческую одурь?

Баррикады... подвиги... любовь...
Маскарад ничем не распугаешь.
И дождем размазанная бровь,
Под кларнет скулящий вновь и вновь,
На веселых мертвецов моргает.

Не с Дантовских глядим страниц
В огромное земное море —
Дрожание чужих ресниц
Нам и пророчество и горе.

Заметил ты, какая тишь
Стоит вокруг глухонемого?
Так с женщиной ты говоришь,
Слегка притушивая слово...

Я плачу у твоих дверей..
Не слушай. Я тебя не знаю.
То Ева с райских пустырей
Во мне безвыходно вызывает.

ЛЮБОВЬ

Не к лицу бы небоскрегам
И не в лад гудкам скрипучим,
Что по старому ты мучишь
До смертельного озноба.
Так в лесу бы, да в сторожке
Наколдовывать знахарке —
С черной гущей, черной кошкой
— Страсть навить, беду накаркать.

Ох, по русски, по цыгански,
Так на ненависть похожа...
Так похожа в мерзлой дрожи
На берложьи чьи то ласки.
Ох, не к веку бы такая:
Бирюза, сафьян, гитара...
Неприкаянная! Каин!
Жизнь закрыла мне с угаром.

Не наглядеться на черную воду,
На ненаглядные тени Кремля.
Знаю: кому то зачем то угодно,
Чтобы летела и пела земля..
Чтобы восторг был коротким и душным
И бесконечно замедленной боль,
Чтобы в телах заточенные души
Рабством любви вырывались на волю,
Чтоб наслажденья напиток соленый
Жар одиночества не охлаждал --
Писаны кем то такие законы,
Их своеволя не смоеет вал.

Что же стою я, любуясь любовью,
Сонной водой и неспящим Кремлем?
Что же летит из груди славословье?
Ах, не расстаться бы с этой землей!
С этою черной, несправедливой,
Немилосердной планетой тоски,
С этой душистою, с этой счастливой,
В радость влюбленной, как рожь в васильки!

**Все чаще радость утомляет
И мучает: не воровство-ль?
А ранним утром спать мешает
Неясная на сердце боль.**

**Напрасная людская жалость,
Напрасная людская смерть.
А сколько зим еще осталось
Снежинкам таять и лететь.**

**Всего грустней напрасность песни
И невозможность замолчать,
Всего напрасней и чудесней
Под этим солнцем умирать.**

Каждую ночь иступленная дума:
Как это будет — земля без меня?
Как это будет — ни цвета, ни шума
И никогда никакого дня?

Верно, с того и любовь такая,
Что побежать бы по всем домам,
Что прокричать бы, голос срывая,
Вам, мои сестры, товарищи, вам:

Слушайте! — вот оно русское небо,
Вот он коротенький солнца проход,
Радость воды и пушистого хлеба,
Самая верная — нежности взлет.

Это во все времена остается:
Женские пальцы на потный лоб,
Снегом и смехом не занесется
И не уложится в мерзлый гроб...

С этим не страшны полночные думы.
Пусть это будет: земля без меня!
Пусть это будет: цвета и шумы
И безнадежная краткость дня!

Н. М. Белинкому

Четыре времени года — осень,
Час за часом — все звон...
Кого это так долго выносят?
С чьих никак не уйти похорон?

Гамлета, Гамлета мы хороним,
Принца совести в пышном плаще,
И земля под ветрами стонет,
И луны неподвижен ущерб.

Безумная, с голосом скрипучим,
Это тебя называли — любовь?
Офелия моя, замученная,
Что ты трогаешь колкий покров?

Волосы твои поседели,
Солома твоя вся в плесени...
Все еще не надоели
Тебе твои тихие песенки?

Свечи из синего воска
Высокомерно не гаснут,
Листопада печальная роскошь
К ногам благовонное масло,

Дни стекают осенью влажной,
Охришшей Офелии песней.
На поклон, проходящий каждый,
Похорон не бывало чудесней.

С. Парнок

В базарном клохчущем жару
С изнемогающим ребенком
Цыганка рада серебру,
Как мы стихам высоко-звонким.

На щеки грязные смотрю,
А в голове: Земфира... Маша...
И вот, судьбу благодарю
За жизнь поэта. Нету краше!

За ту огромную любовь,
Что ко всему во мне трепещет
(Нам романтическая бровь
Дороже драгоценной вещи).

За то, что тополь за стеной
Мне запахом заменит счастье,
А вальс, от старости смешной,
Мне, как цыганке той запыстье.

Оттушевал дымок трубу
Тончайшей кисточкой японца...
Благодарю мою судьбу
За одиночество и солнце.

Этот внезапный страх в теплой знакомой

комнате...

Слушай: внизу трамвай, как года и года назад..

Что я успею сделать? Что мне верней запомнить?

Я никого не помню, никакие, ничьи глаза.

Что от любви, от бури, что от овражков мшистых?

Ведь умирать я буду все же одна, одна..

Маятник лжет, качаясь: время быстрее мчится!..

С темным тяжелым шумом волочится тишина.

Крепче в руках держите молот, перо иль руку,

Только не надо слушать эту летящую дней, —

В темную тину страха все, что любимо, рухнет..

Молот, перо, иль руку в руки мои скорей!

Кому череуха не в радость,
Кто в рот не наберет травы,
Кому и Шуман не прохлада,
Кому грозы совсем не надо,—
Что с тем поделаешь, увы?..

Увы короткому дыханью,
Брюзгливым, равнодушным ртам,
Хвала биению, содраганью,
Всем безкорыстным упованиям,
Всегда доверчивым глазам.

Дай руку, на весну, на будни,
На все обиды от судьбы!
И если ты во мне остудишь,
Чего не остудили люди,
Все ж знаю: суждено мне быть

Всегда сияющей и грустной,
Как этот воздух над землей;
Твердить до смерти навзрусть мне
Евангелie от музы русской
Несчастной, гордой и простой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТРАН.
Вступление.	3
Пушкину	4
Поездная (первая)	5
1919.	6
А. С Неверову.	7
Карусель	8
Рынок.	10
Знаю величие туч...	11
Над розовой хрупью гречихи...	12
Краев саратовских...	13
Поездная (вторая)	14
На Каме	15
России.	16
Рылееву.	17
Такая колыбельная.	18
Есть вечера...	19
Маскарад на призрачной Тверской...	20
Не с Дантовских глядим страниц...	21
Любовь	22
Не наглядеться.. . . .	23
Все чаще...	24
Каждую ночь...	25
Четыре времени года — осень...	26
От этого нельзя уйти...	27
В базарном клохчущем жару...	28
Этот внезапный страх...	29
Кому черемуха не в радость...	30

**КООПЕРАТИВНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «УЗЕЛ»**

Москва, Арбат, Старо-Конюшенный пер., д. 5, кв. 45. Тел. 1-89-14.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- П. Антокольский. — Запад, стихи.
В. Звягинцева. — Московский ветер, стихи.
С. Парнок. — Музыка, стихи.
С. Федорченко. — Пять ветров, сказка - поэма в стихах.
С. Спасский. — Земное время, стихи.
Б. Пастернак. — Избранные стихи

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- Ю. Анисимов. — Земляное, стихи.
Ив. Ерошин. — Песни.
Б. Лившиц. — Патмос, стихи.
Евг. Николаева. — Лирика, стихи.
Дм. Петровский. — Поединок, стихи.
А. Ромм. — Ночной смотр, стихи.
П. Радимов. — Телега, стихи.
А. В. Чичерин. — Крутой подъем, стихи.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

- П. Зайцев. — Поздний гость, стихи.
К. Лаврова. — Двойник, стихи.
А. Оршанин. — Космос, стихи.
М. Гумповская. — Стихи.
С. Шервинский. — Переводы из книги Иоанна Секунда «ПОЦЕЛУИ», в стихах, под ред. А. А. Грушка.
Альманах «УЗЕЛ» № 1. Стихи. Теория. Критика. Библиографи.

С требованиями обращаться в Книгоиздательство. Книгопродавцам обычная скидка. Лица, выписывающие непосредственно из Книгоиздательства, за пересылку не платят.

Цена книги 80 коп.

